

VII. Рецензии

Лежал ли в основе национал-социалистического убийства евреев в Венгрии экономический расчет?

О книге Христиана Герлаха и Гетца Али: «Последняя глава. Убийство венгерских евреев»¹

Хотя режим Хорти симпатизировал традиционному антисемитизму, а также – в ходе возмещенного всевозможными территориальными прибылями сближения с национал-социалистическим режимом – издал между 1938 и 1941 годами три закона, усиленно дискриминирующих евреев, и привлекал их к часто жестоким принудительным работам, в Венгрии, почти вплоть до конца Второй мировой войны, в относительной безопасности жило около 750.000 евреев (около пяти процентов населения). В то время, как во всей оккупированной Германией Европе - от Греции до Норвегии, от французского побережья Атлантики до Советского Союза – происходило убийственное преследование еврейского населения, в Венгрии по крайней мере физическое существование большинства евреев казалось гарантированным. Характерной для ситуации была встреча Хорти с Гитлером в замке Клесхайм вблизи Зальцбурга в апреле 1943. В ответ на немецкое давление усилить антисемитскую политику, регент реагировал замечанием, что он уже и так отнял у евреев почти все жизненные возможности, убить же он их не может. На это немецкий министр иностранных дел Риббентроп включился в беседу и объяснил, что евреев надо либо уничтожать, либо заключать в концентрационные лагеря. Именно это и происходило, после того как в марте 1944 года немецкие войска заняли Венгрию, чтобы предотвратить выход этой страны из военного союза. Холокост настиг венгерских евреев.

Хорти оставался регентом, но во главе оккупационного режима стоял теперь в качестве уполномоченного Немецкого Рейха в Венгрии бригадефюрер СС Эдуард Везенмайер. Еще годом ранее он говорил о необходимости сделать Хорти «солдатом фюрера». Премьер-министр Каллаи, стремившийся вывести Венгрию из войны, был заменен Деме Стояи – коллаборационистом, бывшим послом в

¹ Gerlach, Christian / Aly, Götz: *Das letzte Kapitel. Der Mord an den ungarischen Juden*. München, Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt 2002, 483 S.

Берлине. Евреев заключали в гетто, страна была разделена на шесть зон, из которых происходила высылка евреев преимущественно в Освенцим, комендантом которого снова был Рудольф Хесс. Все это происходило в невероятно быстром темпе: с конца апреля 1944, когда начались депортации, и до начала июля, когда Хорти их временно приостановил, было выслано около 430.000 человек, три четверти которых сразу были убиты в Освенциме; не высланными после приостановки депортаций оставались по существу только Будапештские евреи. Когда в октябре Хорти, из-за попыток переговоров о перемирии с союзниками, был свергнут фашистскими <скрещенными стрелами> во взаимном согласии с немецкими оккупационными властями, еще тысячи людей посылались в мучительные пешие переходы в направлении имперской границы на строительство укреплений или же становились жертвами террора фашистских фомирований.

Весной 1944 года Третий Рейх уже был прижат спиной к стене, хотя многие все еще были ослеплены пропагандой, говорившей об окончательной победе. Тот факт, что и в этой ситуации прилагались большие усилия для уничтожения венгерских евреев, вместо того, чтобы сконцентрироваться на военных действиях, часто приводится в доказательство антисемитской одержимости национал-социалистического режима. Против этого мнения направлена книга Христиана Герлаха и Гетца Али. Оба автора уже обратили на себя внимание исследованиями, посвященными национал-социалистической политике уничтожения. Их объединяет то, что они ищут элементы экономической рациональности в этой политике. Надо отметить, что при этом им удалось углубить понимание некоторых, в прошлом малозамеченных аспектов этой политики. Герлах сделал это, прежде всего, в своем большом труде о немецкой оккупационной политике в Белоруссии, в котором большое значение отводится продовольственной политике, в то время как Али начиная уже с конца 80-ых годов, исследуя «экономику окончательного решения», пытается представить Холокост как главу в истории негативной политики в области народонаселения 20-го столетия. В отличие от классического двухтомного труда Рандольфа Л. Брахамса «The Politics of Genocide. The Holocaust in Hungary», во втором, дополненном издании 1994 года насчитывающего 1. 500 страниц, монография Герлаха и Али не является полным исследованием этой темы. У обоих немецких историков, которым за неимением знаний венгерского языка были доступны не все источники и публикации, речь идет скорее о <венгерском примере>. Авторы отрицают доминирующее значение национал-социалистического антисемитизма как мотива, приведшего к Холокосту. На крайнем примере Венгрии они хотят продемонстрировать «контекстуализацию геноцида и мультикаузальность его происхождения» (Стр. 442) и показать, «что помимо традиционного антисемитизма и расистской пропаганды должны были существовать реальные и жизненные интересы, для того чтобы привести в движение машину уничтожения и в движении ее сохранять» (Стр. 13-14)

Они подчеркивают военно-экономические причины для оккупации Венгрии, ресурсы которой для Рейха были чрезвычайно важны – особенно после потери Украины. Мобилизация венгерских резервов – таков центральный тезис Герлаха / Али – не противоречила политике уничтожения венгерских евреев, а наоборот была связана с ней теснейшим образом. При этом авторы ссылаются не на неудавшиеся переговоры между Адольфом Эйхманом и ведущим представителем венгерских сионистов Резе Кастнером об обмене евреями, которым грозила депортация, на поставку грузовых автомобилей – это упоминается лишь мимоходом. Их внимание направлено скорее на экспроприацию венгерских евреев в пользу венгерского государства и их мобилизацию в качестве рабочей силы.

Присвоение значительных имущественных ценностей евреев венгерским государством, утверждают авторы, шло в конечном итоге на пользу Рейха, т.к. таким образом могли быть компенсированы крупные затраты, связанные с оккупацией этой страны. Путем аризации были также не только удовлетворены комплексы зависти в Венгрии, но и могли быть финансированы по крайней мере зачатки социальной политики. По мнению авторов нельзя утверждать, что все депортированные были убиты только ради уничтожения. Напротив, негодные к работе в Освенциме селектировались, а годных использовали в первую очередь для немецкой военной промышленности. В особенности они применялись в программе для постройки подземных фабрик для производства истребителей-перехватчиков (Jägerprogramm) с целью завоевать давно потерянное господство в воздушном пространстве. Из-за военной необходимости Гитлер даже отрекся от принципа хранить Германию <чистой> от евреев.

Однако, изображение военно-экономических связей, которым посвящена в основном первая часть книги, кажется иногда многословным и слишком обстоятельным. Многочисленные отсылки вперед и назад свидетельствуют также о том, что книга не достаточно проработана. Важной остается при этом, однако, разработка факта, что антисемитская политика имела экономический смысл как для государства, так и для приобретателей выгодно реприватизируемых имущественных ценностей, чем отчасти и объясняется пособничество, в значительной степени обеспечившее беспрепятственность в проведении депортаций.

Однако, авторы не дают ясного ответа на вопрос о действительной важности исследованных ими условий Холокоста в Венгрии. Характерным для этого является следующий пассаж из обобщающих рассуждений:

«Речь идет не об уничтожении ради уничтожения. Массовое убийство было связано с новым распределением ресурсов – финансовых средств, рабочей силы для военной промышленности, резервов питания, военно-экономического потенциала. Массовое убийство было также связано со смещением социальных тяжестей, которые появлялись в ходе войны. [...] Все эти эффекты должны были достигаться за счет евреев, в тесной связи с издавна популярными антисемитскими дискурсами.» (стр. 415)

Но какого рода были тут упомянутые <связи> и <сцепи>? Какая причина производила какое действие? Какие мотивы и для каких деятелей были первоначальными и какие вторичными? Герлах и Али уходят от ясных ответов. Об «антисемитских дискурсах» мы почти ничего от них не узнаем, хотя именно венгерский пример вызывает на исследование разных вариантов антисемитской мысли – начиная традиционализмом Хорти, включая гораздо более радикальный антисемитизм <Скрещённых стрел>, который уже принимал убийственные формы и кончая антисемитизмом уничтожения национал-социалистов. Книга «Последняя глава» остается неудовлетворительной, т. к. тезис о том, что Холокост в Венгрии не был уничтожением ради уничтожения, только в том случае мог бы быть доказанным или опровергнутым, если бы мотивы массового убийства были полностью исследованы и поставлены в соотношение между собой. Этого тут к сожалению не происходит.

Еще большее сомнение вызывает статья Гетца Али «Народное государство Гитлера»², в которой предпринята попытка генерализировать анализ венгерского примера и связать с этим далеко идущие тезисы о структуре национал-социалистического режима. Национал-социалистическое государство осуществило свою якобы эгалитарную социальную политику путем смещения военных расходов на оккупированные государства, а не на собственное население; вызванная этим опасность инфляции в оккупированных странах была преодолена посредством аризации еврейского имущества в пользу государства. Таков тезис. С чисто финансовой точки зрения это в Венгрии – в стране с относительно богатым и многочисленным еврейским населением – могло бы и сработать. Теоретически было бы достаточным ликвидировать еврейское имущество, чтобы покрыть все оккупационные расходы за несколько лет. Но в Сербии – Али это сам подчеркивает³ – этого хватило только на полгода. Поэтому в правильности расчетов Али можно усомниться, как и во многом другом, относящемся к включению аризации «в цепь имущественных революций 20 столетия» и к предложению Али «понимать убийство европейских евреев как часть политики, которая свою силу черпает из идеи равенства.»⁴

Чтобы возвратиться снова к рецензируемой книге, скепсис вызывает также и тезис Герлаха и Али о том, что мобилизация венгерских евреев к принудительному труду являлась выражением экономической рациональности, каким-то образом интегрированной в геноцид. Авторы, которые при привлечении свидетельств оставшихся в живых узников ярко описывают жестокость депортаций и невыносимые условия в лагерях, сами тематизируют нерациональность нацистской политики, констатируя: «число тех узников, которых миновало немедленное

² Götz, Aly: Hitlers Volksstaat; in ders.: *Rasse und Klasse. Nachforschungen zum deutschen Wesen.* Frankfurt a. M. 2003.

³ Ebenda, S. 240.

⁴ Ebenda, S. 243.

убийство, зависело как раз от количества мест, [которым располагало лагерное начальство] в Освенциме» (стр. 293). Увидеть тут военно-экономическую рациональность трудно. Герлах и Али противоречат себе, возвращаясь к своему первоначальному тезису и утверждая: «Как уже было показано, немецкая политика <селектирования> безжалостно гнала всех тех в смерть, которые считались не пригодными для эффективной эксплуатации» (стр. 413). Не говоря уже о неудачном выражении – людей не гнали в смерть, а систематически убивали – критерии селектирования не были такими экономически рациональными, как здесь предполагается. Если хаос в Освенциме становился слишком большим, потенциальная рабочая сила, «как уже было показано», тоже уничтожалась. И противоречия распространялись также на рабочие колонны, для которых была характерна исключительно высокая смертность. Повинны в этом были убийственные условия жизни и труда, а также насилие смотрителей; у Герлаха и Али это называется «все еще действующей склонностью к антисемитскому насилию СС-надсмотрщиков и руководителей лагерей, для которых привыкание к логике продуктивности оказалось тяжелым». Здесь косвенно постулируется целевое направление от антисемитизма к логике производства, которой в сущности никогда не имелось. Намного более точный анализ ситуации находится в работе Эдит Райм о внешних комплексах лагерей Дахау Кауфэринг и Мюльдорф, где самая большая группа заключенных - тысячи венгерских евреев - строили подземные залы для изготовления истребителей-перехватчиков (Jägerprogramm). Она пишет:

«Террор был и оставался имманентным элементом системы концентрационных лагерей. Намерение заменить иррациональную систему террора и уничтожения людей рациональным критерием применения на работе кончилось провалом, т.к. модификация системы концентрационных лагерей была фактически невозможна. Террор, который должен был в лагерях сохраняться, СС-персонал, в основном из истребительных лагерей, извращенная и негуманная шкала ценностей, которая поощряла преступления и наказывала человечность – все это не позволяло рационализировать систему концентрационных лагерей и не допускало действенного применения критерия производственности. Третий Рейх и в последний год войны не мог найти выхода из характерной для него иррациональности убийственной расовой ненависти.»⁵

Юрген Заруски

(Перевод с немецкого Юлии фон Зааль)

⁵ Raim, Edith: *Die Dachauer KZ-Außenkommandos Kaufering und Mühldorf. Rüstungsbauten und Zwangsarbeit im letzten Kriegsjahr 1944/45*. Landsberg a. Lech 1992, S. 293.